

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б79

Серия «Эксклюзивная классика»

James Baldwin

GIOVANNI'S ROOM

Перевод с английского *В. Бернацкой*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения James Baldwin Estate.

Болдуин, Джеймс.

Б79 Комната Джованни : [роман] / Джеймс Болдуин ; [перевод с английского В. Бернацкой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-118228-1

Культурный роман, ставший в свое время одной из программных книг «бунтующих 60-х».

Дэвид, молодой американец «из хорошей семьи», приезжает в Париж, чтобы найти иной смысл жизни, чем тот, к которому подталкивала его жизнь на родине. В этом городе любви, никогда не знающем сна и покоя, он действительно открывает нового себя. Попав в капкан отношений, откуда с каждым днем все сложнее вырваться, он оказывается лицом к лицу со своими тайными и оттого еще более пугающими внутренними демонами...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© James Baldwin, 1955, 1956.
Copyright renewed
© Перевод. В. Бернацкая, 2018
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-118228-1

Люсьену

Я человек, я страдал, я там был.

Уолт Уитмен

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Я стою у окна большого дома на юге Франции и смотрю, как приближается ночь, которая приведет к самому страшному утру в моей жизни. В руке стакан, рядом бутылка. Я вижу на темной поверхности стекла свое отражение — длинное, похожее на вытянутую стрелу, светлые волосы слабо мерцают. Лицо обычное — такие лица видишь каждый день. Мои предки завоевали континент, пробиваясь сквозь несущие смерть равнины к океану, обращенному не к Европе, а к миру более древнему.

К утру я, скорее всего, напьюсь, но от этого легче не станет. В любом случае я сяду на парижский поезд. Тот же поезд, те же жаждущие комфорта и даже уважения к себе люди, устроившиеся на жестких деревянных сиденьях вагона третьего класса, и сам я буду тот же. За окном промелькнут знакомые сельские виды, позади останутся оливы, море и великолепие грозового южного неба. Мы едем на север — в туманный, дождливый Париж. Кто-нибудь предложит разделить с ним сэндвич, другой — вино, третий попросит спички. В коридоре будут толпиться люди, выглядывать из окон,

просовывать голову в купе. На каждой станции призывники в мешковатой армейской форме и цветных шапочках будут открывать к нам дверь и спрашивать: «Есть место?» Мы отрицательно зомоатаем головами: «Нет», а когда те пойдут дальше, переглянемся с лукавой улыбкой. Два или три новобранца останутся в коридоре возле нашего купе, они будут курить вонючие армейские сигареты, орать и отпускать всякие непристойности. Напротив сядет девушка, ее очень удивит, что я с ней не заигрываю, но с появлением новобранцев она обо мне забудет. Все будет как обычно, только я буду молчаливее.

Сегодня вечером все вокруг тоже тихо. В стекле за моим отражением я вижу окрестности. Дом расположен в стороне от небольшого летнего курорта, но местечко еще пусто — сезон не открылся. Дом стоит на холме, отсюда видны городские огни и слышен шум моря. Несколько месяцев назад мы с моей подругой Геллой арендовали его из Парижа по одним только фотографиям. Геллы уже неделю здесь нет. Сейчас она плывет в открытом море обратно в Америку.

Я так и вижу ее — элегантную, возбужденную, в залитом светом салоне океанского лайнера, она слишком нервно и быстро пьет, смеется и разглядывает мужчин. Именно такой я впервые увидел ее в баре Сен-Жермен-де-Пре, она пила и разглядывала мужчин, чем мне и понравилась. Тогда я подумал, что неплохо бы закрутить с ней романчик. На этой легкомысленной ноте у нас и завя-

зались отношения, и даже сейчас, несмотря на все случившееся, я не уверен, что хотел большего. И она, похоже, тоже. Пока не поехала в Испанию без меня и там, оказавшись в одиночестве, не задумалась: а что, если жизнь, состоящая из выпивки и разглядывания мужчин, не совсем то, что ей надо. Но поезд, как говорится, ушел. Я уже был с Джованни. А ведь перед Испанией я сделал ей предложение, она засмеялась, и я засмеялся тоже, но ее реакция возбудила меня, и я продолжал настаивать. Тогда она сказала, что ей нужно уехать и как следует подумать.

И в тот последний вечер, когда она была здесь и упаковывала вещи, в тот вечер, когда мы виделись в последний раз, я сказал, что какое-то время любил ее, и сам заставил себя в это поверить. Хотя не знаю, любил ли я ее. Конечно, я помнил ночи, полные чистоты и доверия, каких никогда больше не будет. Именно это придавало особую прелесть нашим ночам, они словно находились вне времени — не связанные ни с прошлым, ни с настоящим, ни с будущим. И к моей жизни как бы не имели особого отношения. Все это разворачивалось под чужим небом, без чужих глаз и неприятных последствий. Но именно эти обстоятельства играли против нас — полная свобода тяготит. Думаю, я предложил ей руку и сердце, чтобы встать наконец на якорь. А она по той же причине решила в Испании, что хочет за меня замуж. Однако люди, к несчастью, не могут сами выбирать, где им бросить якорь. Они не могут выбрать ни любовников, ни

друзей, как не могут выбирать родителей. Всех дает и забирает сама Жизнь, и очень трудно в нужное время сказать ей «да».

Говоря Гелле, что любил ее, я думал о том времени, когда любовная интрижка мало что для меня значила. Но потом со мной случилось нечто ужасное, непоправимое. После той ночи и наступившего затем утра я понял: неважно, сколько постелей я смелю вплоть до самой последней, у меня никогда больше не будет прежних легкомысленных, пикантных интрижек, которые, если вдуматься, просто замаскированная мастурбация. Люди — сложные существа, к ним нельзя относиться пренебрежительно. Да и я слишком сложен, поэтому мне нельзя доверять. Иначе я не оказался бы этой ночью в доме один. Гелла не плыла бы в открытом море. И Джованни не ждала бы на рассвете гильотина.

Среди всей лжи, в которой я жил и с которой мирился, я раскаиваюсь в одной — несмотря на то, что она сослужила мне добрую службу. Я солгал Джованни, будто никогда прежде не спал с женщиной, но он мне так и не поверил. На самом деле такое один раз было. Тогда я решил, что это не повторится. И теперь мне видится фантастическая картина, как я бегу упорно и быстро, даже пересекаю океан, и все для того, чтобы вновь оказаться перед тем же бульдогом на заднем дворе, только за это время двор стал меньше, а бульдог вырос.

Я много лет не вспоминал этого юнца по имени Джоуи, но сегодня ночью он стоит предо мною,

как живой. Это произошло несколько лет назад. Я был еще подростком, Джоуи — примерно моего же возраста. Хороший мальчик — подвижный, смуглый и смешливый. Какое-то время он был моим лучшим другом. Позже сама мысль о том, что такой человек мог им быть, стала свидетельством моей некой глубинной порочности. И я постарался его забыть. Но сегодня он снова отчетливо предстал у меня перед глазами.

Стояло лето; школьных занятий не было. Родители Джоуи куда-то уехали на уик-энд, и я проводил время в его доме близ Кони-Айленда в Бруклине. В те дни мы тоже жили в Бруклине, только в районе получше. Помнится, мы подолгу нежились на пляже, плавали, разглядывали проходивших мимо полуголых девчонок, свистели им вслед и смеялись. Не сомневаюсь: если бы кто-то из них отозвался, мы провалились бы под землю от ужаса и стыда. Но девушки, несомненно, это понимали — хотя бы по нашей манере заигрывать — и не обращали на нас никакого внимания. Когда солнце стало клониться к закату, мы, натянув штаны поверх мокрых плавок, пошли по дощатому настилу к дому.

Думаю, все началось в душе. Когда мы валялись дурака в этом маленьком, наполненном паром помещении, хлеща друг друга мокрыми полотенцами, я испытал новое для меня чувство, каким-то непонятным, таинственным образом связанное с Джоуи. Помню, я неохотно одевался, объясняя свою медлительность

жарой. Кое-как напялив на себя одежду, мы залезли в холодильник и стали что-то есть, запивая еду изрядным количеством пива. Потом, надо думать, отправились в кино. Иначе чем объяснить то, что мы оказались на улице? Помню, мы шли по темному, душному Бруклину, и тротуары и стены источали жар такой силы, что он мог сбить человека с ног. На ступеньках домов, казалось, расселось все взрослое население — вульгарно одетые и неопрятные родители с многочисленными детьми, которые играли рядом на тротуаре, плескались в сточной канаве или лазили по пожарным лестницам. Мы проходили мимо; я обнимал друга за плечи, гордый тем, что был на полголовы выше. Джоуи отпускал грязные шуточки, и мы весело смеялись. Странно, что только сегодня ночью, впервые за долгое время я вспомнил, как хорошо было тогда и как сильно мне нравился Джоуи.

Когда мы возвращались домой, на улицах было тихо, мы тоже притихли. И в квартире вели себя спокойно — сон буквально валил нас с ног, мы быстро разделись и легли в комнате Джоуи. Помню, я мгновенно заснул, но вскоре меня разбудил свет. Джоуи яростно тряс подушку.

- Что с тобой?
- Кажется, меня укусил клоп.
- Ну ты и неженка. У вас что, клопы водятся?
- По-моему, один меня укусил.
- А тебя раньше кусали клопы?
- Нет.
- Ладно. Давай спать, тебе приснилось.

Джоуи смотрел на меня с открытым ртом, глаза его расширились. Он словно только что понял, что подле него лежит настоящий знаток по части клопов. Я рассмеялся и ухватил его за голову, как тысячу раз делал до этого в игре или когда он изводил меня. Но в этот раз, когда я к нему прикоснулся, что-то будто шелкнуло в нас обоих, отчего обычное прикосновение стало чем-то неизведанным и новым. Джоуи не оттолкнул меня, как обычно, а покорно положил голову мне на грудь. И тут я почувствовал, как мое сердце заколотилось со страшной силой, Джоуи весь задрожал, а свет в комнате стал необычно ярким и резал глаза. Я хотел отодвинуться и пошутить, но Джоуи лепетал что-то бессвязное, и я наклонился, чтобы расслышать слова. В этот момент он поднял голову, и мы как бы невзначай поцеловались. Первый раз в жизни я ощутил тело другого человека, его особенный запах. Наши руки сплелись в объятие. Казалось, в моих руках трепещет редкая, измученная, почти умирающая птица, которую мне чудом удалось поймать. Я был страшно испуган — думаю, он тоже, и мы оба закрыли глаза. То, что я так ясно, с пронзительной болью вспоминаю сегодня ту ночь, говорит о том, что я ни на мгновение ее не забывал. Я и сейчас ощущаю слабый отблеск охватившего меня тогда мучительного желания, неутолимую жажду, дрожь во всем теле и нежность — такую острую, что, казалось, вот-вот разорвется сердце. Но эта невероятная, невыносимая боль рождала радость, и этой ночью мы подарили

ее друг другу. Мне казалось, и жизни не хватит, чтоб до конца насладиться любовью Джоуи.

Но жизнь коротка, и она закончилась с наступлением утра. Когда я проснулся, Джоуи еще спал, он свернулся клубочком, как ребенок, и лежал на боку лицом ко мне. Он и выглядел как ребенок, — рот приоткрыт, щеки разрумянились, несколько черных кудряшек разметалось по подушке, другие прикрывали влажный круглый лоб, длинные ресницы поблескивали на солнце. Мы оба лежали голыми — простыня запуталась в наших ногах. Никогда не видел я ничего прекраснее смуглого, слегка тронутого испариной тела Джоуи. Я хотел было дотронуться до него, разбудить, но что-то остановило меня. Мне вдруг стало страшно. Он лежал такой невинный, такой доверчивый и открытый, такой маленький в сравнении со мной, что собственное тело показалось мне большим и грубым, а нарастающее желание — чудовищным. Но не только это испугало меня. Я вдруг осознал, что Джоуи — тоже мальчик, увидел его сильные бедра, плечи и слегка сжатые кулаки. Меня испугала таящаяся в этом теле мощь, притягательность и тайна. Оно словно влекло в темную пещеру, где меня будут долго мучить, пока я не сойду с ума и не утрачу полностью мужественность. И все-таки мне хотелось познать тайну этого тела, испытать его силу и то наслаждение, какое оно обещало. Я покрылся холодным потом. Мне стало стыдно. Даже беспорядочно смятое белье свидетельствовало о пороке. Что подумает мать Джоуи, когда увидит

простыни? Потом я вспомнил своего отца, у которого не было никого, кроме меня, мать умерла, когда я был совсем маленький. Теперь черная дыра разверзлась уже в моем мозгу, в ней закружились разные слухи, домыслы, какие-то полузабытые рассказы, где-то подслушанные, не до конца понятые, полные бранных, грязных слов. Неужели это мое будущее? Какой кошмар! Мне хотелось плакать от стыда и ужаса, от непонимания, как такое могло случиться со мной, как такое желание могло зародиться во мне? И тогда я принял решение. Я вылез из кровати, принял душ, оделся, и, когда Джоуи проснулся, завтрак уже был готов.

Я ничего не сказал ему о своем решении — боялся, что это пошатнет мою волю. Завтракать я не стал, только выпил кофе и под каким-то предлогом ушел домой. Джоуи я этими уловками не обманул: все было шито белыми нитками, но он не знал, как удержать меня, хотя ему и надо было всего-то протестовать и настаивать. Больше я не заходил к нему, а ведь прежде мы виделись каждый день. Он тоже не появлялся. Приди он ко мне, я был бы счастлив, но после моего внезапного ухода, похожего на прощание, между нами образовался разлом, который никто из нас не мог преодолеть. Когда в конце лета я случайно встретил его на улице, то соврал о некоей девушке, с какой якобы встречаюсь, а с началом занятий связался с дурной компанией из парней старше меня и отвратительно вел себя по отношению к Джоуи. И чем грустнее он был, тем грубее становился я. Потом

его семья куда-то переехала, он ушел из школы, и я никогда его больше не видел.

Возможно, тем летом я впервые осознал, насколько одинок, тогда же и началось мое бегство от одиночества, которое в результате и привело меня к этому темному окну.

И все же, когда начинаешь отыскивать тот решающий, определяющий всю твою жизнь момент, который все изменил, то непременно, испытывая огромные мучения, запутываешься в лабиринте из ложных сигналов и захлопывающихся перед твоим носом дверей. Мое бегство наверняка началось тем летом, однако остается неясным, в чем скрывается зародыш той дилеммы, которая привела меня тем летом к бегству. Разгадка где-то рядом — в отражении на стекле, я всматриваюсь в него, а за окном сгущается тьма. Она заперта в одной комнате со мной, так всегда было, и так всегда будет, и так же непостижима для меня, как и неясные холмы за окном.

Как я уже говорил, мы жили в Бруклине, а до этого — в Сан-Франциско, где я родился и где похоронена моя мать. Потом на какое-то время осели в Сиэтле, затем переехали в Нью-Йорк. Для меня Нью-Йорк — это Манхэттен. Из Бруклина мы позднее перебрались обратно в Нью-Йорк, а ко времени моего приезда во Францию отец с новой женой обосновался в Коннектикуте. Тогда я уже давно жил самостоятельно, снимая жилье в восточной части города.

Детские и отроческие годы я провел с отцом и его незамужней сестрой. Мать упокоилась на

кладбище, когда мне было пять лет. Я почти не помню ее лица, но она часто являлась мне в кошмарных сновидениях — провалившиеся, изъеденные червями глаза, волосы — железная проволока, ломкая, как сухие ветки; она силилась прижать меня к своему телу, настолько сгнившему, что оно на глазах рассыпалось. Я отбивался и кричал, пока тлен не расступался, открывая ужасную брешь, готовую проглотить меня целиком. На мой крик в комнату вбегал испуганный отец или тетка, они спрашивали, что напугало меня, но я никогда не рассказывал этот сон, боясь оскорбить признанием мать. Я говорил, что мне приснилось кладбище. Они решили, что на мою психику сильно подействовала смерть матери, и, наверное, подумали, что я тоскую по ней. Может, так и было, но в таком случае тоска до сих пор не покидает меня.

Отец и тетка плохо ладили между собой, и я безотчетно чувствовал, что их взаимная неприязнь как-то связана с моей покойной матерью. Помнится, когда я был маленький, фотография матери стояла на каминной полке в просторной гостиной нашего дома в Сан-Франциско и словно царила надо всей комнатой. Казалось, фотография показывала, что витающий дух матери — настоящий хозяин в доме. В этой комнате, где мне всегда было не по себе, в дальнем углу таились тени, а отец любил сидеть в кресле, залитый льющим из торшера золотистым светом. Он читал газету, скрывавшую его от меня, а я, отчаянно пытавшийся привлечь его внимание, иногда так докучал ему,